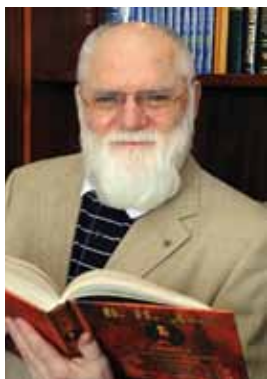

Освещённый минутой Рассказы

Виктор СЛИПЕНЧУК

Виктор Слипенчук — известный русский поэт и прозаик, исповедующий в своих произведениях непобедимость добра.

Его книги переведены и изданы в Японии, Китае, Франции, Украине, Сербии и Вьетнаме. По мотивам романа «Зинзивер» в Московском Театре Наций с успехом шёл спектакль «Роман без ремарок».

Имя Виктора Слипенчука присвоено одной из российских библиотек в Приморском крае (с. Черниговка).

Посвящается
Евгении Александровне
и Андрею Петровичу
КАПИЦАМ

Книга Роберта Юнга «Ярче тысячи солнц» об учёных-атомищиках потрясла меня. Именно из неё узнал о талантливейшем физике, ученике Резерфорда, Петре Капице. Так что когда на Алтай приехал его сын Андрей (он только что вернулся с Антарктиды) и мне поручили подготовить телепередачу с его участием, я был на седьмом небе. Мы с удовольствием цитировали подробности жизни учёных Европы и Америки — книга Юнга располагала к откровенной беседе.

Это было в конце 60-х, тогда в разговорах очень нехотя упоминалось имя Александра Солженицына, выдворенного из СССР. И тем не менее, на вопрос Андрея Петровича — какое произведение из современных писателей меня более всего зацепило? — не задумываясь, сказал: повесть «Один день Ивана Денисовича». Словом, по тем временам мы свободно говорили на весьма опасные политические темы.

Передача об Антарктиде по Барнаульскому ТВ прошла великолепно. А моё отношение к Петру Леонидовичу, вынесенное из книги Юнга, тронуло Андрея Петровича, и он сказал, чтобы, когда буду в Москве, позвонил ему. Такая возможность представилась, и Андрей Петрович и его жена Евгения Александровна организовали встречу с Петром Леонидовичем на даче. Я потом написал об этом рукописный текст, который (очень горжусь этим) сейчас находится в Англии в музее П.Л. Капицы.

В своей первой книжке прозы «Освещённый минутой» цикл зарисовок и коротких рассказов посвятил Евгении Александровне и Андрею Петровичу. Некоторые из них представляю вашему вниманию.

ЧУЖОЙ

— Слухай, малый.

Ко мне подходит Макар, угрюмый и сильный парень. Зелёная роба на нём расстёгнута, из-за пазухи выглядывает вытатуированный Илья Муромец.

— Нехай леший колотит...

Дальше Макар говорит нецензурно, и мне это очень приятно. Я вполне самостоятельный человек. Разве со мной так дома или в школе разговаривали?

— Ты чего? — для блезира удивляюсь я.

— А то, шо ты в журнаlike на глазок фиксируй точки.

— Как? — уже серьёзно удивляюсь я.

— А так, — усмехается Макар, и я падаю с поваленного дерева от его «прикосновения». Макар стоит надо мной, в его правой руке острый гранёный лом.

— Ты, салага, не знаешь Макара, могу наскрозь пропустить.

Я беру рабочий журнал. До лагеря километров десять. Мы на самой удалённой и глухой просеке. Вокруг пусто. Тайга.

— Макар, ты ж это... из-за того, что я тебе на пятки наступал. Я тебя замотал своей скоростью?

— Ха-ха, — нехорошо смеётся Макар, и я опять снизу смотрю на тяжёлое железное копьё. Макар играет передо мной своей силой. Вижу по его глазам: он способен на всё.

— Макар, хочешь, я сам пробью бурки и замеряю?

— Можно, — соглашается Макар.

И я пробил бурки и замерил. Я трудился до самого вечера, пока сумерки не смешали просеку с тайгой. Когда я подошёл к дереву, Макар лежал на нём.

— Пойдём, — толкнул я Макара. И Макар, как прирученный медведь, пошёл за мной.

В сумерках в тайге чудовищные животные высовываются из-за корневищ. Рычание и насильственная смерть мерещатся в зарослях, улыбающихся днём. Мне не страшно. Со мной идёт Макар с вытатуированным на груди богатырём. Макар наверняка обдумывает свой нехороший поступок. Ему стыдно, он молчит. Мне хорошо, и я напеваю всякие песенки, чтоб не слышать ветра, шумящего в макушках деревьев.

В лагере нас встречает костёр. Языки пламени полыхают, как флаги праздничного здания. За палатками стоит машина, похожая на автобус.

— Добрый вечер, — заявляю я всем.

Три незнакомых человека подходят к Макару и уводят его к машине, похожей на автобус. Начальник отряда берёт меня под руку, и мы входим в палатку. В палатке тускло светит лампочка, питающаяся от аккумулятора. Мы садимся на гладкие берёзовые чурбаки.

— Понимаешь... — начальник отряда ищет подходящие слова. — Короче... Макар... в общем, он хищник. Убийца он, понял?

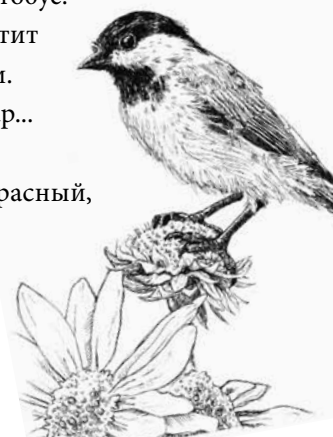
Меня начинает тошнить, я выхожу на улицу. Меж деревьев мелькнул огонёк красный, как глаз чудовища. Я подхожу к костру. Я не нахожу себе места.

— Это правда? — спрашиваю я.

Все молчат, и только повар:

— Правда ли, мы хотели спросить у тебя, он же твой напарник.

Морщинистое лицо повара колеблется в отвесах костра. Жутко шумит ветер верхушками деревьев, и сияющее здание костра рушится перед моими глазами.

НОВАЯ ДОРОГА

— Губкин, а что, если мы потеряемся?

— Да где мы потеряемся, это ж всё время по дороге.

Я сержусь на Валерку Субоча. Мы идём с ним к Бурею по новой дороге. Мы вполне можем заблудиться, но зачем паниковать?

— У тебя нехороший характер, — говорю я Валерке и поправляю на нём рюкзак.

— Кончай, — говорит Валерка, и мы идём молча.

К вечеру нам надо во что бы то ни стало быть на берегу.

Вечером в центр Северной группы партий (СПП) пойдёт катер, и мы должны успеть на него. На нём мы отправимся в Чекунду отдыхать. Мы работаем в геологической партии без выходных, и последняя неделя месяца наша.

Сегодня катер должен привезти буфет, его выгрузят на старой стоянке, а мы идём к новой. К новой идти ближе на десять километров, но зато надо идти по новой дороге. По этой дороге мы с Валеркой Субочем ещё не ходили. По этой дороге надо идти внимательно, она отличается от нехоженой тайги зарубками на деревьях. Мы посматриваем на эти зарубки, чтоб не сбиться. Потому что, если собьёшься с дороги, можно утонуть в болоте и опоздать на катер. Мы не хотим опаздывать на катер. К полудню мы прошли километров девять, и Валерка стал отставать от меня.

Я переложил часть провизии из Валеркиного рюкзака в свой, и Валерка пошёл легче.

— Губкин, а что, если мы потеряемся?

— Да где мы потеряемся? Это ж всё время по дороге.

Я уже не сержусь, мне тоже начинает казаться, что мы сбились. Я говорю Валерке:

— Если ты не уверен, то не мешай мне.

Валерка молчит, и мы идём молча. Мы идём молча часа три. Мы выходим к поваленному дереву с двумя зарубками на нём. До Буреи — два километра. Мы садимся на дерево и отдыхаем. Солнце давно смотрит нам в спину и начинает уже хвататься за макушки лиственниц.

— Валера, — говорю я Субочу, — давай сделаем часовой рывок, а там посмотрим.

Валерка показывает на свои ноги, и я вижу, что с такими ногами рывка ему не сделать.

— Ладно, — говорю я. — Ты будешь идти, как можешь, а я сделаю рывок, иначе не застанем катера.

Я встал и пошёл. Я пошёл быстро, не оглядываясь.

За третьей зарубкой я провалился в воду. Я напился тухлой воды и потерял много сил даром. Холодная вода меня заставила бежать, и я бежал, пока не встретил молодую особу.

Молодая особа сидела на лошади и улыбалась.

— Там справа, — она показала назад, — будут волки.

— А там слева, — я тоже показал назад, — будет медведь. Его звать Валерка Субоч, и у него плохие ноги.

Молодая особа прыгнула с лошади, но мне было некогда.

— На катер спешишь? — поинтересовалась она.

— На катер спешу, — ответил я.

Через полчаса я вышел на берег и увидел Бурею. Внизу на катере на ящиках сидели ребята.

Увидев меня, они громко засмеялись и замахали руками.

Я сел на землю и стал выливать воду из сапог.

— Губкин! — крикнул Сашка Каримов. — У тебя есть тушёнка, давай кидай?!

Я бросил Сашке рюкзак, и все стали потрошить его. Потом я полез на катер, и в лицо мне все очень смеялись. Сашка Каримов подал синюю кружку и сказал:

— Пей, а то тебе холодно.

Я выпил и, чтоб не морщиться, перегнулся через борт зачерпнуть воды. Вода была вкусной.

Мы ждали Валерку Субоча. Субоч выскочил на берег на лошади. Лошадь не гарцевала, но Валерка, приветствуя нас, держал руку, как маршал. Он бросил нам полупустой рюкзак, и мы его наполнили хлебом.

Валерка решил неделю отдыхать в тайге, и все его сразу поняли. Когда катер отчаливал, Валерка сказал мне: «Какая разница» — и скрылся в тайге. А я смотрел на плывущую тайгу и никак не мог понять, почему Валерка Субоч не едет с нами. Я задумался так глубоко, что впервые вокруг себя не слышал смеха, а только видел плывущую тайгу да разбегающиеся красные волны утонувшего солнца.

Я ВЕРНУСЬ

Шесть дней шли дожди. Сегодня дождя не будет. Яркие кристаллы звёзд сияют утренней свежестью. Редкие куски туч сползают на запад.

Я смотрю на восток. Там, на востоке, из-под земли бьёт огненный фонтан света. Там, на востоке, поднимается солнце. Там, на востоке, меня ждёт новая жизнь. Меня призывают в армию.

Я должен добраться до Буреи к вечеру. Оттуда в центр Северной группы партий пойдёт катер.

Я мог бы вылететь в военкомат на вертолёт, как все призывники нашей партии. Но в тайге у меня есть дела. Никому не надо знать о моих делах в тайге. И потому я иду один.

Мне надо пройти тридцать километров. Это много, но мне приходилось ходить и больше. В моём рюкзаке бутылка спирта, шесть банок говяжьей тушёнки и четыре булки хлеба. В моём рюкзаке шесть пачек концентратов и десять коробок спичек, завёрнутых в целлофановый мешочек. В моём рюкзаке две пары нательного белья, мыло, паста, зубная щётка и полотенце.

Больше ничего нет в моём рюкзаке. Потому что охотничий нож удобнее всего носить на поясе, а две пластинки из серии «Вокруг света» всего надёжней нести в руках.

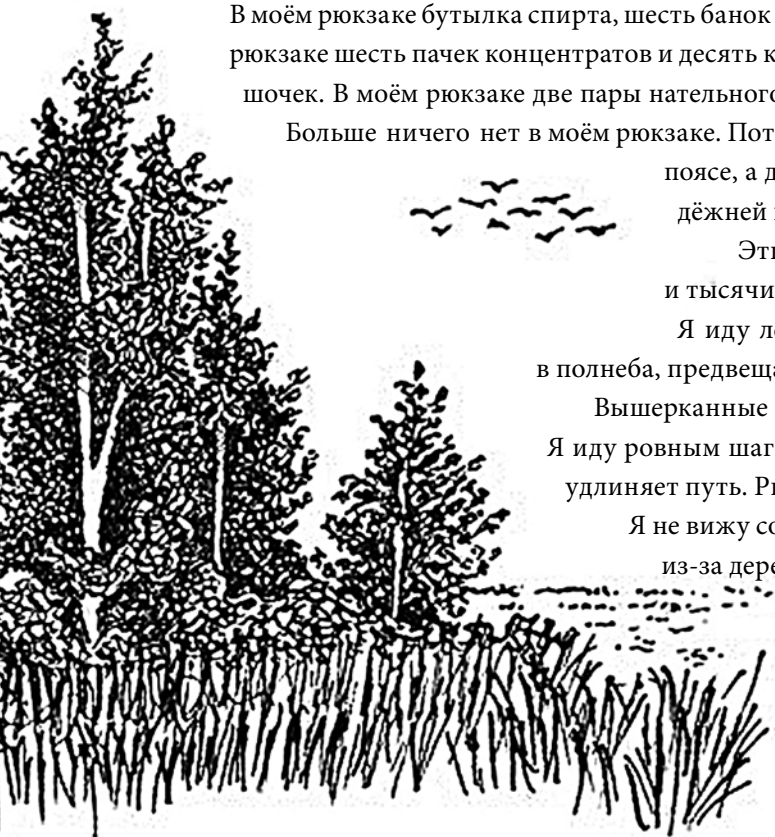
Эти пластинки мне дороги и за них мне не надо и тысячи рублей.

Я иду легко. Капли дождя искрятся, и заря полыхает в полнеба, предвещая небывалое солнце.

Вышерканные мокрой травой сапоги блестят, как зеркальные. Я иду ровным шагом. Ритм ходьбы нельзя нарушать. Бег по тайге удлинит путь. Ритм. Ритм. Ритм.

Я не вижу солнца, но уже знаю, что оно встало. Его не видно из-за деревьев... Ритм. Ритм. Ритм.

В девять часов утра я подошёл к Суларине. Я не люблю эту речку. От дождей она совсем обезумела, вода прибывает на глазах. Я привязываю сетку с пластинками к шее, беру потолще жердь, и Суларина бесится вокруг моих ног.

Если меня собьёт с ног, мне никто не поможет. Но мне не страшно, мне даже хочется, чтобы Суларина сбила с ног и разбила о камни.

Но Суларина не может сбить с ног. Она боится меня, потому что девушку, самую красивую в мире, которую я люблю, Суларина убила.

Я знал, что сегодня, напоенная дождями, Суларина будет сильной и злой. Но разве Суларина не знала, что я приду к ней в этот час? Я отбрасываю жердь, и Суларина наваливается на меня. Она разбивается о мою грудь, заливая лицо.

Я снимаю рюкзак и забрасываю пластинки за спину, я иду, держа рюкзак впереди себя.

Я перешёл Суларину без жерди.

Я разбил колени и руки, но не разбил пластинки.

На берегу развёл костер и натёрся спиртом. Остатки спирта выпил и пошёл вверх по берегу.

Ровно в полдень я был на могилке. Шесть серых камней лежат на ней крестом. На тридцать метров вокруг я вырубил здесь деревья и кусты. Я вырубил их так, чтобы могилке было видно эту кипящую речку.

Я вырубил их потому, что не знал, что можно ещё сделать для человека, которого люблю.

Я бросаю рюкзак и падаю на могилку. Здесь никого нет и можно не стесняться слёз. Но слёз нет, есть только горечь.

Я говорю могилке:

— Юля, Юличка, я иду в армию. Я принёс тебе две те наши пластинки из серии «Вокруг света». Ты их сохрани. Я за ними вернусь. Я не могу не вернуться за ними.

Я уйду от Юлии в полдень.

У меня больше нет никаких дел в тайге. Я иду на восток. Я иду в армию, и небывалое солнце плещется надо мной. ▲

